

Людмила Чеботарёва

г. Нацрат-Иллит, Израиль

Соло для музыкальной шкатулки с оркестром

Прощание «Славянки»

С тяжёлыми, опухшими глазами От беспросыпной, беспробудной пьянки Оркестрик на райцентровском вокзале Играет марш «Прощание Славянки».

Опять не в такт зазвякали тарелки, И дирижёр заламывает руки. О бог мой, как всё суетно и мелко Перед великой музыкой разлуки.

Охота к перемене мест...

С листа играли листья Листа. А ветер – дирижёр-смутьян – Пронёсся с гиканьем и свистом (Как видно, был изрядно пьян).

И поведеньем безобразным Он взбудоражил весь оркестр. А знаешь, видимо, заразна «Охота к перемене мест».

На небе крики птичьей стаи — Орнамент в стиле рококо. И я бегу — куда, не знаю, Но навсегда. И далеко.

Верона

Я не пою, я, сударь мой, играю Своим смычком по струнам ваших душ. У. Шекспир «Ромео и Джульетта» в переводе Екатерины Савич

Город юных возлюбленных строг, неподкупен и чист. Над старинной ареной заплачет отчаянно cello, Но излечит печали молчаньем виолончелист, Лихорадку любви опалив ледяным

лимончелло.
Эти дворик и дом никогда не бывают пусты.

Как горит от назойливых рук грудь бедняжки Джульетты! Мостовые пылают, как будто сжигают мосты. У опального лета фальшивы, увы, флажолеты.

Ты устал, музыкант!

Спрячь в убогий футляр инструмент. Поразмысли немного о мире,

о жизни, о смерти...

И когда вечных истин придёт скоротечный момент, Воспарит над бессмертной Вероною «Реквием» Верди.

Блюз о майской бессоннице

Медвяно-мятный май обманчиво смеялся, В сомнительные сны свои меня манил. А маятник луны меж звёздами качался — Размеренно и медленно, как будто бы дразнил.

Божественных часов невидимые стрелки На Вечности сошлись. А стайки облаков Клевали зёрна звёзд с серебряной тарелки И сочиняли сны про радужных слонов.

А я считала их – до тысячи, и дальше... И призывала сон, но сон не шёл ко мне. Небесный диксиленд – почти совсем без фальши –

почти совсем без фальши – Самозабвенно блюз наигрывал луне.